

ПАМЯТЬ

«Я ХОЧУ ПОСТАВИТЬ ПАМЯТНЫЙ ЗНАК»

Новые «Последние адреса» в Пермском крае

«Последний адрес» — так называется всероссийская акция, участники которой устанавливают памятные таблички на стенах домов, откуда навсегда ушли — на расстрел, на гибель — тысячи жертв сталинских репрессий.

Благодаря инициативе неравнодушных граждан и поддержке Пермского краевого отделения Международного общества «Мемориал» в Пермском крае установлено уже 17 табличек. В апреле появятся ещё три.

«Последние адреса» появляются не только в краевом центре. Так, совсем недавно жители села Карьёво Ординского района проявили инициативу установить мемориальную табличку в память о жертвах политических репрессий Нургали Аюпове и Таипе Саляхутдинове.

Нургали было 34 года. Он работал секретарём сельсовета. 28 сентября 1937 года его арестовали, а 4 ноября расстреляли по «политической» статье как врага народа.

Таип был на пять лет старше. Трудился конюхом. Его арестовали 5 октября того же года, а расстреляли в один день с Нургали. Реабилитировали их через 50 лет — в 1988 году. У обоих в справке о реабилитации сказано «за отсутствием состава преступления» — то есть преступления не было, а людей расстреляли. Теперь память о Нургали и Таипе будет отражена в табличках с их последним адресом.

Рассказ о репрессированных Саляхутдинове и Аюпове есть в книге «Карья Старая», посвящённой истории села. Её написал краевед Рафик Шайхеннурович

Кутдусов, а его внучка Виктория Кутдусова — активный волонтер «Мемориала», участник поисковой экспедиции 2015 года.

Родственники репрессированных живут сегодня в Карьёво и в Перми. Они и подали заявку на установку знаков «Последнего адреса».

Одна из самых активных территорий «Последнего адреса» — Коми-Пермяцкий округ. Это неудивительно: в сталинские времена это был край ссыльных и спецпереселенцев. Первый знак на территории Коми-Пермяцкого округа был установлен 11 августа 2015 года в селе Купрос Юсьвинского района в память о Валентине Васильевне Старцеве, второй знак установлен 4 апреля 2016 года в деревне Лопатина Кудымкарского района в память о Филиппе Васильевиче Лопатине.

В поселке Сергеевском в Коми-Пермяцком округе остался дом Ничиперовичей, родителей известного журналиста Альберта Ничиперовича, в 1980-е годы работавшего заместителем главного редактора газеты «Звезда».

В этом доме теперь живут другие люди. Прежних его хозяев давно уже нет на свете. Жители посёлка вместе с коллективом краевой газеты «Звезда» решили установить табличку на этом доме в память о расстрелянном отце Альберта Ничиперовича — Александре Фабияновиче — и о всех членах этой семьи.

В Государственном архиве социально-политической истории хранятся более 38 тысяч архивно-следственных дел жителей Прикамья, репрессированных по политическим мотивам в 1920–1940-е годы. Все они ре-

Табличка «Последнего адреса»

абилитированы в соответствии со стандартной судебной формулировкой: «за отсутствием состава преступления».

За каждым из этих дел скрываются трагические судьбы ни в чём не повинных людей, а также их родных и близких, не по собственной воле принявших на себя клеймо родственников «врага народа». Среди многих — история семьи Александра Фабияновича Ничиперовича.

В начале 1930-х годов семья стала жертвой кампании по «раскулачиванию» и была депортирована из Белоруссии на Урал, в посёлок Сергеевский Косинского района (ныне посёлок входит в Гайнский район). Один из пяти детей Ничиперовичей, младший сын Альберт, сумел, несмотря на жёсткие ограничения, окончить Пермский госуниверситет, стал журналистом. Журналисты старшего поколения хорошо помнят Альберта Александровича.

Вот скупые строки из след-

ственного дела его отца Александра Фабияновича:

«1900 года рождения; до ареста проживал в посёлке Сергеевском Косинского района Пермской области; поляк; беспартийный; фельдшер; трудоселенец; раскулачен, выслан в Пермскую область из Минской области, Стародорожского района; жена, две дочери, три сына; арестован 25.10.1937 районным отделом НКВД села Коса; осужден 26.12.1937; шпионаж; приговор: высшая мера наказания; дата смерти 7.01.1938; реабилитирован».

В архивно-следственном деле хранятся письма родственников в различные областные инстанции с просьбой вернуть честное имя главе большой семьи Ничиперовичей. Письмо Сабины Иосифовны, жены Александра Фабияновича, направленное начальнику областной милиции, датировано 9 августа 1956 года.

Никакого ответа Сабина Иосифовна тогда не получила. А ведь она спрашивала лишь, куда исчез её муж, жив ли он. Правду о судьбе Александра Фабияновича семья узнала лишь в 1991 году после обращения сына — Александра Александровича в областное управление КГБ.

Окончание на стр. 4

Установка памятного знака

Церемония установки знака в память об Александре Фабияновиче Ничиперовиче в посёлке Сергеевский пройдёт 5 апреля, а церемония установки знаков в память о Нургали Аюпове и Таипе Саляхутдинове в селе Карьёво — 7 апреля.

Официальный сайт проекта «Последний адрес» <https://www.poslednyadres.ru/about/> Заинтересовавшиеся могут обращаться в Пермское краевое отделение Международного общества «Мемориал» по тел.: (342) 282-54-42, (342) 281-95-59; e-mail: pmem@yandex.ru, Александру Чернышову. Почтовый адрес: 614070, г. Пермь, ул. Крупской, д. 40.

В НОМЕРЕ

Виктор Шмыров:
История никого не забудет

«...По натуре я всё-таки историк-исследователь! Сейчас я занялся тем, о чём давно думал: историей пермских политических лагерей».

Над чем работает сегодня основатель музея «Пермь-36»?

Стр. 2

Смерть Сталина... в 1957 году?

Экскурсовод всё чаще предлагает нам почитать что-то самим. Нахожу копию одного из решений о реабилитации. Слышу комментарий: «Репрессии прекратились после смерти Сталина, в 1957 году, и возобновились после прихода к власти Хрущёва».

Как проходят экскурсии в «Мемориальном комплексе политических репрессий»

Стр. 3

Юбилеры марта

С этого номера «Вестник Мемориала» будет поздравлять юбиляров — мемориальцев, бывших репрессированных и их родственников, которым исполнилось 90 и 95 лет.

Стр. 4

Наши льготы, которые есть — и которых нет

За проезд в каких поездах можно получить денежную компенсацию? Даёт ли социальный проездной документ право ездить в пригородных автобусах? Поможет ли государство с зубопротезированием?

«Вестник Мемориала» задал вопросы заместителю министра социального развития Пермского края Марине Визе.

Стр. 4

СОБЕСЕДНИК

ВИКТОР ШМЫРОВ: ИСТОРИЯ НИКОГО НЕ ЗАБУДЕТ

Над чем работает сегодня основатель музея «Пермь-36»?

Вот уже почти три года, как основатели АНО «Пермь-36» Виктор Шмыров и Татьяна Курсина по произволу властей отлучены от своего детища — музея на месте исправительно-трудового лагеря «Пермь-36». Но это вовсе не значит, что им теперь нечем заняться! О новых начинаниях рассказывает кандидат исторических наук Виктор Шмыров.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Когда я начал заниматься музеем, мне пришлось отказаться от работы в Пермском педагогическом институте и от предложения работы в академическом Институте истории, потому что я понимал, что музей важнее научной карьеры. Исследования требуют полного погружения, а музей — это хоззайство, да ещё и без надёжного финансирования... Это было несовместимо. Но по натуре я всё-таки историк-исследователь! Сейчас я занялся тем, о чём давно думал: историей пермских политических лагерей.

— Разве там ещё не всё исследовано? Тема популярная среди учёных...

— Мы хорошо знаем времена ГУЛАГа, но не знаем постсталинские лагеря. Архивы всё ещё не раскрыты. Одно время у нас были надежды, что их раскроют, но сейчас понятно, что вряд ли это случится в ближайшее время. Тем не менее, многие темы можно разрабатывать: причины возникновения новых политических лагерей, состав заключённых...

— Состав заключённых — это ведь одна из самых острых тем, которые поднимаются вокруг «Перми-36». Ребята из «Сути времени» и бывшие вохровцы утверждают, что в этих лагерях содержались только эсэсовцы, каратели и прочие военные преступники...

— Ещё когда начались эти нападки, я сделал первичный анализ учётных карточек и первые выводы, очень приблизительные. Сейчас занялся более тщательным анализом. Почти три года ушло на составление двух баз данных. Первая — дела всех до единого заключённых пермских политлагерей. Около 12 % этих дел содержат лишь минимальную информацию, но в основном они довольно подробные. Работа ещё не закончена, но, по предварительным данным, самая многочисленная группа — это узники совести, осуждённые за антисоветскую агитацию и пропаганду. Их больше 36%.

Если добавить к ним националистов, беглецов из СССР, которые были обвинены в измене Родине — а, например, Натан Щаранский был обвинён как раз в измене, а не в антисоветской агитации — то окажется больше 40 % дел. Заключённых, осуждённых за измену Родине, но входивших

в группы, занимавшиеся антисоветской агитацией, тоже было достаточно. Скажем, Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа — осудили 20 человек, из них 17 сели за антисоветскую агитацию и пропаганду, а руководители пошли по статье «измена Родине». Такая же история с Украинским рабоче-крестьянским союзом — один из активных участников, Левко Лукьяненко, был приговорён к высшей мере за измену Родине, но потом ему расстрел заменили на 15 лет лагерей.

Такой концентрации политических заключённых в одном месте никогда прежде не было. Мы помним, что в ГУЛАГе осуждённые по 58-й статье сидели вместе с уголовниками, а основной состав тогдашних экзков — это так называемые «мужики», то есть те, кто отбывал наказание за бытовые статьи. Политических заключённых в ГУЛАГовских лагерях было 8-12 %, а здесь, в пермских политлагерях, одних только узников совести — до 40%!

Ещё одна значительная группа заключённых — это националисты, те, кого «Суть времени» называет «бандеровцами» и даже почему-то «бандеровцами»...

— Наверное, в честь Остапа Бендера...

— В этой группе было примерно поровну украинцев и литовцев — все они были осуждены за участие в националистических группировках.

— А как насчёт настоящих сторонников Степана Бандеры?

— Мы получили доступ к некоторым архивно-следственным делам и выяснили, что в пермских лагерях не было никого, кто осуждался бы за участие в вооружённой борьбе, в пролитии крови. Впрочем, такие дела ещё могут обнаружиться в тех архивах, которые нам пока недоступны.

Вот пример типичного дела. Михаил Процив в годы войны помогал в снабжении партизан Украинской повстанческой армии. В 1950-м году советские власти предложили всем таким сдать и обещали прощение. Он сдался, его дело тщательно изучили, выяснили, что он ни в кого не стрелял, и отпустили. А через год его арестовали и судили... по обвинению в хищении государственного имущества — тех продуктов, которыми он снабжал повстанцев. Был осуждён на 10 лет, отсидел полсрока, вышел

Виктор Шмыров на гражданском форуме «Пилорама»

досрочно, по зачётам за ударный труд. В 1961 году к его жене стал приставать директор фермы, она пожаловалась мужу, он стал сговариваться с друзьями, чтобы проучить директора. Они ещё только начали договариваться, но кто-то донёс. Против арестовали и судили за покушение на жизнь государственного деятеля (директор фермы оказался депутатом).

Мы очень тщательно изучили его дело. В данных следствия и в обвинительном заключении за ним нет никакой крови, никакого участия в вооружённой борьбе, а в приговоре вдруг, без всякого основания, оказывается, что он участвовал в арестах и расстрелах советских людей: «При избрании меры наказания для Процива М.И. коллегия исходила из того, что он является лицом общественно-опасным, в 1944 — 1950 годах находился в банде ОУН, проявлял в ней активную деятельность, принимал участие в арестах и расстрелах советских людей». В итоге — максимальный срок, 15 лет, из них пять — в тюрьме.

Вот такие «бандеровцы».

— Но ведь существовали в реальности военные преступники...

— Те, кто не был расстрелян, были в других лагерях. Но большинство из них до лагерей не добрались.

— А о чём вторая база данных?

— Это лагерные хроники. День за днём, месяц за месяцем. Все события в лагере, борьба заключённых за свои права. В пермских лагерях — «Пермь-35», «Пермь-36» и «Пермь-37» —

она была ежедневной, непрекращающейся. Ни в ГУЛАГе, ни в мордовских лагерях такого не было. 16 % из узников совести, находившихся в трёх пермских лагерях, были переосуждены Чусовским судом на тюремный режим — до трёх лет. Это совсем другой режим, гораздо тяжелее лагерного. А ещё были штрафные изоляторы, голодовки...

Голодовка — особенно отчаянная мера сопротивления, связанная с риском для жизни и здоровья. Была история, когда к известному украинскому диссиденту Евгению Пронюку приехала жена, а его внезапно лишили свидания. Более 20 человек объявили в знак протеста голодовку и голодали почти две недели. Они добились того, что приехала разбираться специальная комиссия, и офицеров, которые отменили свидание, наказали. Правда, заключённых наказали тоже...

— Огромную работу вы проделали! Жаль, что вся эта бесценная информация не будет использована в работе созданного вами музея, а он, как показывает репортаж Михаила Даниловича о поездке в «Пермь-36», очень нуждается в реальной информации.

— Зато материал будет использован в виртуальном музее, который мы сейчас создаём. Рабочее название проекта — выставка «Пермские политлагеря». Она огромная — около 450 документов и фотографий. Ей бы место, конечно, в музее «Пермь-36», но она будет пока только в интернете. Возможно, будут какие-

то передвижные варианты в виде баннеров.

— Каковы ваши ближайшие планы?

— Мы готовимся к проведению очередной Школы музеологии. Мы по-прежнему являемся членами Международной коалиции музеев совести, которая объединяет более 200 музеев из 50 стран. В нашей школе будут музейщики-преподаватели из Швеции, Великобритании, Германии, Соединённых Штатов — известные эксперты. Школа состоится летом и будет идти на протяжении двух недель.

Мы проводим такую школу далеко не в первый раз. В прежние годы восемь музейных проектов, разработанных в её рамках, получили впоследствии гранты конкурса Фонда Владимира Потанина «Меняющийся музей в меняющемся мире».

— А книгу не хотите написать?

— Даже две! Собираюсь засесть за монографию по истории пермских политлагерей на основе всех тех документов, что мы обработали при подготовке виртуального музея. Это будет очень большая книга, в которой будет рассмотрено более 1000 индивидуальных кейсов; с обширным справочным аппаратом — лагерные хроники, документальные материалы.

А вторую книгу с меня давно требуют друзья, коллеги и бывшие узники пермских лагерей. Это книга об истории создания музея «Пермь-36» и репрессий против него.

История ничего и никого не забудет.

Юлия Баталина

ОЧЕВИДЕЦ

СМЕРТЬ СТАЛИНА... В 1957 ГОДУ?

Как проходят экскурсии в «Мемориальном комплексе политических репрессий»

«На особом режиме я ещё экскурсии не проводила — вы будете первые у меня», — слышим в начале путешествия по музею на месте колонии «Пермь-36». Приехали сюда с товарищем, как это могут сделать все желающие. Из других посетителей — только группа иностранцев. Там сопровождающий говорит по-английски, поэтому нам к ним не пристроиться. Повезло, думаем: у нас будет отдельный экскурсовод.

Кассир спорит с коллегой, сколько будут стоить наши билеты. Видимо, цены недавно изменились, и ещё не все об этом знают. Так, по билетам, в «Пермь-36» я никогда не приезжал, поэтому не смогу сказать, что изменилось по сравнению с экскурсиями, которые проходили при прежнем руководстве. Зато в конце нулевых годов нас, волонтеров музея, водил по нему Роберт Латыпов. Тогда — председатель Молодёжного «Мемориала», а сейчас — председатель Пермского краевого отделения общества «Мемориал». Мы тогда подолгу останавливались в нескольких камерах на участке особого режима. Могли просто молчать.

Роберт рассказывал истории, которые здесь происходили. Например, как один заключённый тайком писал, а потом на свидании передал жене политическое письмо на Запад. Это притом что и его, и её досматривали более чем тщательно. Как на строгом режиме люди толпились вот у этих умывальников или именно в этой раздевалке. Как их несколько раз в день проверяли на проходной в рабочую зону. Впечатлила и история аллеи в жилой зоне, чем-то напоминающей любой провинциальный советский город. Смотришь и понимаешь, что по-лагерному жили не только здесь.

Экскурсия по сугробам

«Эти зелёные конструкции, даже не знаю, оригинальные или нет, — рассказывает экскурсовод, когда мы оказываемся в проходных между ра-

бочей и жилой зонами на строгом режиме. — Через них, наверное, проходили люди». Девушка не спешит. Но задерживаться где-то, кажется, и нет смысла.

— А вон там ведь кочегарка, в которой работал Сергей Ковалёв? — показываю на высокую трубу.

— Да, верно. Но сейчас к кочегарке не пройти: сугробы.

Выясняется, что всё-таки пройти: кочегарка ведь до сих пор работает, и как-то же до неё добираются.

Теперь сопровождающая говорит, что нельзя попасть внутрь. Я не унимаюсь:

— Но там ведь, насколько мне известно, даже висит фотография Сергея Адамовича и других заключённых. Под фото — описания. Зна-

ческих репрессий, — а после пресс-конференции за решёткой оказался и сам Ковалёв. Он сидел, в том числе, в «Перми-36».

Смерть Сталина... когда?

О наказаниях сидельцев как о репрессиях, как о чём-то несправедливом, экскурсовод начинает говорить лишь после того, как это делаем мы. Если бы мы не знали, что именно называли «антисоветской агитацией и пропагандой», то во время экскурсии подумали бы: «И поделом им». Повествование идёт примерно так: нарушил закон, хоть и строгий — попал сюда. Было трудно, но работал — приносил пользу стране.

Девушка уверяет, что так он раньше и выглядел. На самом же деле автозак не настоящий — настоящий, который стоял при прежнем руководстве, спрятан где-то на задворках, а нынешний экспонат — имитация, машина собрана умельцами в пермских «гаражных» автосервисах.

Экскурсовод читает строчки на планшете. Рассказывает, что зеков привозили то ли в колбе, то ли резервуаре — точное слово я не запомнил. Если не задуматься — и не поймёшь значения её слов. Вот в этом автозаке, именно за этой дверью машины и везли человека в консервной банке. Так в чем везли?...

В бараке здесь недавно появилась экспозиция. Точнее — сборная солянка из самых

Камера, в которой повесился Василь Стус

Планшет рассказывает нам что-то о прогулочном дворе с видом на небо через «колючку». Ещё — о заборе перед окнами барака. Тут я вспоминаю, как десять лет назад смотрел на тот же забор и стоял в том же дворике — но молча, с комом в горле.

Экскурсовод роняет: «В этой камере умер Василь Стус: он повесился». Она не знает, что в споре об обстоятельствах гибели украинского поэта до сих пор не поставили точку. Он умер в год, когда его номинировали на Нобелевскую премию по литературе, и весьма вероятно, что ему «помогли».

Возможно, в музей надо приезжать подготовленными, чтобы просто увидеть своими глазами место, о котором до этого читали?

Покидая участок особого режима, замечаем у забора иностранцев. Они пришли нам на смену. Возможно, им больше повезёт с экскурсией.

Михаил Данилович.
Фото Ярослава Чернова

чит, вход для туристов не может быть закрытым...

Девушка соглашается. Зайдя в кочегарку, мы с товарищем всё что-то спрашиваем. В ответ получаем: «Да, да». «Узнаём», что в 1974 году Ковалёв устроил в Москве пресс-конференцию для западных СМИ о массовых голодовках в мордовских и пермских лагерях: они случились 30 октября — этот день стали называть Днём политзаключённого, позднее — Днём памяти жертв полити-

В аллее в жилой зоне тоже не задерживаемся.

Перед тем, как отправиться в бывший участок особого режима, девушка просит нас её подождать: ей надо взять картонный планшет с планом экскурсии. Доезжаем. Охранник открывает экскурсоводу дверь в забор и начинает что-то говорить. Та перебивает: «Я не одна». Подходим к автозаку, в котором привозили новых заключённых. Его отреставрировали. Да так, что сейчас он очень яркий и пё-

разных выставок. Ловлю себя на мысли, что голые стены, возможно, были красноречивее бесконечных плакатов и стендов. Экскурсовод всё чаще предлагает нам почитать что-то самим. Нахожу копию одного из решений о реабилитации. Слышу комментарий: «Репрессии прекратились после смерти Сталина, в 1957 году, и возобновились после прихода к власти Хрущёва».

Вообще-то Сталин умер в марте 1953-го.

ПАМЯТЬ

«Я ХОЧУ ПОСТАВИТЬ ПАМЯТНЫЙ ЗНАК»

Окончание. Начало на стр. 1

В официальном ответе, в частности, говорилось:

«Ваш отец Ничиперович Александр Фабианович, 1900 года рождения, арестован 25 октября 1937 года. До ареста работал фельдшером в посёлке Сергеевском Косинского района. Постановлением Наркома внутренних дел и прокурора СССР от 26 декабря 1937 года якобы за причастность к польской разведке осуждён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 7 января 1938 года в городе Свердловске. Место захоронения не установлено из-за отсутствия документов. Одно из мест захоронения репрессированных находится на 12-м километре шоссе Свердловск — Москва. Определением Во-

енной коллегии Верховного суда СССР № 4н-081 от 23 апреля 1957 года Ничиперович А. Ф. посмертно реабилитирован, уголовное дело на него прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления...»

Ученица 11 класса Сергеевской средней школы Галина Тиунова в 2002 году проделала исследовательскую работу, в которой она пишет:

«Ознакомившись с биографиями членов большой семьи Ничиперовичей, я была поражена их стойкостью, мужеством, которые они проявили в те страшные дни... Я предложила им ответить на вопросы маленькой анкеты. На первый вопрос: «Не испытываете ли вы злость за то, что оказались здесь?» — все они ответили отрицательно. Ока-

зывается, они даже благодарны судьбе за то, что оказались в наших краях...»

На следующий вопрос: «Что для вас родина — Белоруссия или Россия?» — семья Ничиперовичей ответила не столь солидарно: Александр Александрович и Анна Александровна ответили, что родиной для них является СССР, а для Геннадия Александровича и Полины Александровны — Россия. Геннадий и Полина сказали, что, несмотря на всё, что выстрадала семья, они полюбили эти места. Здесь они выросли, получили образование, укоренились».

Александр Фабианович Ничиперович был расстрелян в начале января 1938 года. В 1991 году пришёл официальный ответ, в котором признавалось, что приговор против него был

полностью сфальсифицирован.

Его жену Сабину Иосифовну после ареста мужа направили на лесоповал, где за два месяца непосильного труда она стала инвалидом. Умерла женщина в 1971 году.

Старшим сыновьям Геннадью и Александру пришлось бросить школу и работать в лесу.

Геннадий прошёл Великую Отечественную войну, получил девять боевых наград, участвовал в Параде Победы в Москве. Вернулся в Сергеево и работал мастером лесозаготовок. Александр окончил лесной техникум, работал начальником лесопункта. Полина стала учителем начальных классов, работала директором школы. Анна тоже окончила лесотехникум, работала по специальности, затем преподава-

ла в школе, работала библиотекарем.

* * *

«Одно имя, одна жизнь, один знак» — таков основополагающий принцип общественной инициативы, нашедшей своё воплощение в проекте «Последний адрес». Этот проект направлен на увековечение памяти наших соотечественников, ставших жертвами политических репрессий и государственного произвола в годы Советской власти. Каждый россиянин может стать заявителем на установку персонального мемориального знака на фасаде дома, адрес которого стал последним для жертвы репрессий.

**Александр Калих,
Виктория Кутдусова**

КОНСУЛЬТАЦИЯ

НАШИ ЛЬГОТЫ, КОТОРЫЕ ЕСТЬ — И КОТОРЫХ НЕТ

За проезд в каких поездах можно получить денежную компенсацию? Даёт ли социальный проездной документ право ездить в пригородных автобусах? Поможет ли государство с зубопротезированием? Эти и другие вопросы, актуальные для жертв политических репрессий и их родственников, «Вестник Мемориала» задал заместителю министра социального развития Пермского края Марине Визе.

В ноябрьском выпуске «Вестника» Марина Визе уже рассказала о мерах социальной поддержки, на которые могут рассчитывать реабилитированные жертвы политических репрессий и их родственники. Этот материал вызвал множество дополнительных вопросов, с которыми мы вновь обратились к представительнице ведомства.

Железнодорожный транспорт: пассажирский или фирменный?

— Жертвы политических репрессий и их родственники один раз в год имеют право на компенсацию проезда по-

ездом по территории России. Вам вернут деньги за билеты в оба конца. В 2011 году краевое Министерство социального развития создало административный регламент предоставления этой услуги, и этот порядок утверждён указом губернатора.

Из регламента следует, что компенсируется стоимость такой поездки лишь в жёстком вагоне с четырёхместными купе скорых пассажирских поездов, а также в вагонах и поездах более низкой категории. В случае если вами предъявлен билет фирменного поезда, то для перерасчёта компенсации будет запрошена справка с вокзала о стоимости проезда такого же маршрута в плацкартном вагоне. Пассажир может не брать эту справку: её запросит Территориальное отделение министерства социального развития.

В связи с тем, что «обычных» пассажирских поездов становится всё меньше, а фирменных — всё больше, то нашим министерством будет сделан запрос в ОАО «РЖД» о количестве пассажирских и фирменных поездов. После этого будет рассмотрен вопрос уточнения действующего порядка и возможного изменения регламента.

Пусть ли с социальным проездным документом в пригородный автобус?

— Да. Проездной документ на месяц стоит 810 рублей. Он позволяет бесплатно пользоваться пассажирским транспортом в городе и пригороде, то есть на автобусе можно съездить, например, из Чердынского района в Чердынь. По существующим правилам, маршрут, по которому вы следуете, должен быть отнесён к пригородному (расстояние не должно быть больше 50 километров), а не к междугороднему — всё это можно уточнить в справочном бюро или кассе вокзала.

Билет на пригородную электричку с социальным проездным документом тоже будет бесплатным. Но предъявить контролёру социальный проездной недостаточно — надо обратиться в кассу за бесплатным билетом.

Помогут ли бывшим репрессированным с зубопротезированием?

— С 2005 года льгота по зубопротезированию монетизирована: она вошла в состав ежемесячных денежных

выплат, которые предоставляются в том числе и реабилитированным. Эти средства пенсионеры расходуют по своему усмотрению, в том числе на зубопротезирование.

Можно ли получить эту льготу в натуральной форме? К сожалению, уже нет. До 2011 года действовало соглашение краевого Министерства социального развития и страховых компаний. По нему, если пожилой человек писал соответствующее заявление, то компания давала на зубопротезирование 1400 рублей. Остальную необходимую сумму пенсионер искал сам. При этом из его ежемесячной денежной компенсации вычитали каждый раз по 50 рублей. В 2011 году такой мерой социальной поддержки воспользовались лишь пять человек. Поэтому на следующий год соглашение со страховыми компаниями не продлили.

Услуга не стала популярной. Министерство было здесь лишь координатором: помогало пенсионерам «брать в долг» у страховых компаний. Сейчас выделение денег из краевого бюджета на эту меру не предусмотрено.

Комментарий председателя общества «Мемориал» Роберта Латыпова:

— Монетизировав большинство льгот, заменив их смешными добавками к пенсии, наше региональное правительство фактически сняло с себя обязательства по многим из них. И зубопротезирование — а это одна из самых востребованных услуг для ветеранской аудитории — как раз из этой области. В натуральной форме получить её уже нельзя, а собрать деньги из «зубной добавки» к пенсии в реальности невозможно. Льготы, которая действовала до 2005 года и которой худо-бедно могли воспользоваться некоторые наши пожилые люди, сейчас нет совсем. Ежегодные призывы руководства общества «Мемориал» к краевым властям обратить внимание на эту проблему и совместно найти решение по-прежнему остаются без ответа.

В следующем номере «Вестника Мемориала» тема льгот будет продолжена: речь пойдёт о санаторно-курортных путёвках, направлениях в краевую госпиталь для ветеранов войн и субсидиях на улучшение жилищных условий.

Михаил Данилович

ПОЗДРАВЛЯЕМ

ЮБИЛЯРЫ МАРТА

С этого номера «Вестник Мемориала» будет поздравлять юбиляров — мемориальцев, бывших репрессированных и их родственников, которым исполнилось 90 и 95 лет.

10 марта отметила **90 лет Анна Павловна Бруцкая**.

8 февраля исполнилось **95 лет Галине Александровне Жулановой**.

16 марта исполнилось **95 лет Евдокии Меркурьевне Дидык**, а на следующий день, **17 марта**, её сестре **Любови Меркурьевне Хвисюк** исполнилось **97 лет!**

В 1930 году семья Любви, Евдокии и троих их сестёр была выслана из Одесской области в Прикамье, в Добрянский район. Отец работал фельдшером, мать — домохозяйка.

Любовь Меркурьевна в 1939 году окончила педагогическое училище, работала учителем математики и начальных классов в пермской школе, ныне —

гимназии № 17. Вырастила сыновей и внуков, радуется правнучке.

Евдокия Меркурьевна до недавнего времени жила в Добрянском районе, окончила сельхозтехникум, работала агрономом. Сейчас живёт в Перми вместе с сестрой.

Обе сестры — активные мемориальцы.

